

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора исторических наук Ваниной Евгении Юрьевны на диссертацию Коротчиковой Полины Викторовны «Ананда К. Кумарасвами (1877–1947) как историк и теоретик искусства», представленную в виде рукописи диссертационному совету Д 210.004.02 на соискание ученой степени кандидата искусствоведения по специальности 17.00.04 — изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура

Диссертация П. В. Коротчиковой посвящена исследовательским трудам А. К. Кумарасвами, выдающегося искусствоведа, философа и мыслителя. Актуальность избранной автором темы, как убедительно показано в соответствующем разделе «Введения», состоит в том, что все современные научные школы, изучающие искусство Индии, стран Южной и Юго-Восточной Азии, да и, пожалуй, Востока в целом, в той или иной степени опираются на наследие Кумарасвами и, даже критикуя и «деконструируя» его, все равно отталкиваются от теоретических и методологических подходов великого тамила. Молодой ученый взялся за сложнейшую задачу: создать, по сути, первое обобщающее отечественное исследование мировоззрения Кумарасвами и его вклада в историю искусства. И в целом, несмотря на неизбежные затруднения, недостатки и ошибки, с этой задачей справился.

Диссертация П. В. Коротчиковой состоит из введения, четырех глав и заключения. Введение формулирует цели и задачи исследования, а также актуальность избранной темы. Важной частью введения является хорошо структурированный библиографический раздел, имеющий, в определенном смысле, самостоятельную значимость. О хорошей научной подготовке диссертанта свидетельствует специальный раздел во введении, в котором изложено понимание автором таких основополагающих терминов, как национализм, колониализм, ориентализм, традиционализм. Это явно облегчает восприятие диссертации читателем. Правда, некоторым толкованиям, предложенным автором, не хватает корректности и четкости. Например, на с. 20 – 21 национализм «является устоявшимся в исторической науке термином для определения социально-политической идеологии сопротивления» (дается сноска на книгу Breuilly J. *Nationalism and the State*. Manchester: Manchester University Press, 1993). Такое определение трудно принять: «социально-политическая идеология сопротивления» (кому? чему? чужеземным завоевателям?) совсем не обязательно является национализмом и имела место задолго до возникновения наций;

аналогичным образом, национализм активно развивался и развивается в странах, которые никому не сопротивлялись.

Если бы автор обратился к трудам таких признанных специалистов по национализму, как В. А. Тишков, Б. Андерсон, Э. Хобсбаум, П. Чаттерджи (последние особенно актуальны для данной работы), то его понимание национализма, прежде всего как дискурса о нации, как идеологического комплекса, выступающего от имени нации и «воображающего» ее, было бы гораздо адекватнее. Не отличается четкостью и следующее за процитированным выше высказывание автора о том, что зарождение националистической «идеологии сопротивления» в Индии «связывают с религиозными течениями в индуистской среде в 1870 гг. (Арья Самадж)» (с. 20). В индусской среде было много религиозных и религиозно-реформаторских течений, и далеко не все они могут быть сведены к национализму; национализм в Индии развивался и вне религиозных течений. Недостаточная четкость понимания автором проблемы национализма вообще и в Индии в частности сказалась на оценках националистических тенденций в мировоззрении и деятельности Кумарасвами.

Первая глава рассматривает начальный этап в деятельности великого искусствоведа (1908 – 1918). Достоинством работы является органичное соединение в этой и других главах нескольких очень разных исследовательских направлений: биография, история (включая интеллектуальную историю или историю идей), история искусства. Автору вполне удалось соблюсти баланс между этими направлениями, избежать гипертрофированного внимания к какому-либо из них и нащупать точки пересечения, что придает диссертации междисциплинарный характер и доказывает широту кругозора исследователя. Желательно было бы, конечно, более полно и корректно вписать Кумарасвами в современный ему историко-культурный контекст, хотя в полном смысле это не являлось темой исследования. И здесь стоит снова вернуться к вопросу о национализме.

Диссертант подробно и весьма убедительно характеризует воззрения западных ориенталистов, рассматривавших искусство Индии с исключительно европоцентристских позиций и поэтому отказывавших ему в оригинальности и эстетической ценности; на этом фоне абсолютно справедливо и логично выглядит оценка Кумарасвами как новатора, предложившего воспринимать искусство Индии на основе выработанных самой этой цивилизацией критериев. Ученый впервые поставил вопрос о том, что искусство Индии, как и других стран Азии, обладает самостоятельной ценностью и не уступает в величии греко-римскому. Именно в этом, помимо фактов постоянного творческого общения с

индийскими патриотами, автор справедливо видит национализм Кумарасвами, хотя, судя по тексту диссертации, говорить о его «участии в националистическом движении» (с. 61) едва ли корректно.

Национализм Кумарасвами еще во введении охарактеризован как вариант «общегражданской версии национализма, социально-политической идеологии сопротивления на базе концепции духовного и культурного единства Индии и ее народов, т.н. «инклюзивный национализм» или «секуляризм», предполагающий существование некой духовно-культурной базы, объединяющей всех жителей Индостана как представителей единой нации» (с. 20 – 21). Однако в интереснейшем разделе первой главы, посвященном исследованиям Кумарасвами раджпутской живописи в сравнении с могольской, выясняется, что «[о]снованный шаг – разделение двух школ по очевидным стилистическим признакам и сюжетике – ученый превратил в отношения двух миров: национального индийского и исламского» (с. 69). Диссертант справедливо критикует такой подход Кумарасвами как ошибочный. Но напрашивается и такой вывод: великий искусствовед не причислял могольскую миниатюру (и творения индийских мусульман вообще?) к «индийскому национальному» миру. Если это так, то национализм Кумарасвами не может быть отнесен к общегражданской модели, одним из главных постулатов которой было: индийские мусульмане – прежде всего индийцы, внесшие неоценимый вклад в культуру, литературу, искусство Индии. Было бы интересно, если, продолжая работать над темой дальше, автор более подробно исследовал бы вопрос о том, кого вообще Кумарасвами считал индийской нацией и какое искусство – национальным.

Вторая глава посвящена иконографическим и иконологическим работам Кумарасвами (1918 – 1930), его трудам, ставшим классикой (особенно «Танец Шивы»). Здесь автор проявляет глубокое понимание методов и подходов великого искусствоведа к изучаемым темам. Эта глава отличается большей четкостью формулировок и логической стройностью, чем предыдущая: диссертант пишет о том, что хорошо знает и понимает. Очень важно, что деятельность и мировоззрение Кумарасвами рассматриваются не в вакууме, а на фоне идейных течений того времени, особенно в Европе и в США, куда перебрался мыслитель. Кумарасвами показан во взаимодействии, в согласии и в спорах с другими искусствоведами и мыслителями, что придает диссертационному исследованию особую ценность. «Биографическая» структура диссертации весьма логична: не являясь биографией по сути, повествование П. В. Коротчиковой позволяет проследить эволюцию взглядов мыслителя.

Третья глава исследует поздние труды Кумарасвами по иконологии и метафизике. Здесь автор демонстрирует высокий уровень теоретической подготовки не только по искусствоведению, но и в таких областях, как философия, религиоведение, семиотика. Следуя за изысканиями Кумарасвами, диссертант во многих случаях вынужден скорее пересказывать и комментировать, чем анализировать; здесь собственная позиция исследователя проявляется значительно слабее, чем в предыдущих главах, что вполне объяснимо, ибо речь идет о вопросах, скорее выходящих за рамки искусствоведения, но необходимых для общего понимания методов и подходов Кумарасвами, идейно-философских основ его восприятия мира и искусства. Важно, что, повествуя о теологических и философских изысканиях Кумарасвами, автор не отклоняется в сторону от искусствоведческих целей и задач исследования. Именно в этой главе Кумарасвами предстает мыслителем и ученым, значение которого выходит за рамки его родного южноазиатского региона и Востока вообще.

Четвертая глава – это оценка влияния концепций Кумарасвами на искусствоведение и художественную практику Индии и Запада. Диссертант, уже на совершенно ином уровне осмысления, возвращается к проблематике, затронутой во введении и определяет вклад Кумарасвами в мировую науку об искусстве объективно и корректно, без уклонов в излишнюю комплиментарность и без попыток «замазать» неоднозначные оценки. Автор проявляет широкий кругозор, обширные познания, позволяющие оценить Кумарасвами как явление в мировом искусствоведении. Эта глава в гораздо большей степени является заключением, чем раздел, носящий это название и представляющий, по сути, кратким пересказом всего того, что было сделано в диссертации, хотя сделанные в нем выводы вполне убедительны и соответствуют целям и задачам исследования. Обширная (274 названия) библиография структурирована и обладает собственной ценностью для читателей.

Новизна диссертационной работы П. В. Коротчиковой состоит в том, что впервые в отечественной науке было предпринято комплексное исследование мировоззрения, теоретических и методологических подходов выдающегося ученого А. К. Кумарасвами, явившегося основоположником науки об индийском и, шире, восточном искусстве, философа и мыслителя, без трудов которого невозможно адекватно представить развитие индийского и мирового искусствоведения, многих художественных и искусствоведческих школ XX – начала XXI в. Причем мировоззрение и деятельность Кумарасвами оказались удачно вписаны автором в историю общественной мысли и культуры Индии и Запада современной ему эпохи. В своей диссертации П. В. Коротчикова использовала широчайший

круг источников и литературы самых разных жанров и направлений, проявила кругозор и обширные познания как в том, что составило тему исследования, так и в иных областях, особенно философии, семиотики, религиоведения, истории искусства Европы и США. Все это делает работу подлинно междисциплинарной и интересной не только для искусствоведов, но и для специалистов по другим гуманитарным наукам, прежде всего историков, работающих в сфере интеллектуальной истории. Предпринятое автором исследование отличается хорошим аналитическим уровнем и логичностью; текст четко структурирован и написан на хорошем русском языке, хотя и не свободен от шероховатостей и опечаток. Не лишен он и неточностей: так на с. 33 и в ряде других мест явно спутаны брахманизм и индуизм; на с. 28 бенгальский просветитель и реформатор Раммохан Рой явно по ошибке попал в сообщество идеологов движения свадеши; могольский падишах Акбар (с. 72) не мог «взять в жены принцессу из Раджастана» (правильно – Раджастхана) потому, что Раджастхан – современное название штата, неизвестное во времена Акбара; на территории, принадлежащей ныне этому штату, находилось княжество Амбер, откуда происходила раджпутская жена Акбара; «текст Махабхараты времен Акбара» (с. 86) – это перевод санскритского эпоса на фарси под названием «Книга битв» («Разм-нама»). Иногда не совсем точно транслитерируются индийские имена и топонимы: помимо «Раджастана» (Раджастхана) – «Кандалавала» (правильно Кхандалавала), с. 14, 72 и т.д.

Все эти неточности, равно как и отмеченные выше противоречия и недостатки, не умаляют достоинств рецензируемой работы как фундаментального, оригинального и самостоятельного исследования, написанного на высоком теоретическом и методологическом уровне с использованием широкого круга разнообразных источников. Диссертация имеет важное практическое значение для развития отечественного искусствоведения и отечественной индологии, разработки учебных курсов и учебных пособий по истории искусства и искусствоведению.

Основные положения диссертации отражены в 10 научных статьях, из которых 3 опубликованы в ведущих рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК.

Автореферат полностью соответствует содержанию диссертации.

По содержанию, структуре, завершенности, теоретическому и методологическому уровню, самостоятельности, практической научной ценности диссертация П. В. Коротчиковой «Ананда К. Кумарасвами (1877–1947) как историк и теоретик искусства» отвечает требованиям, предъявляемым к диссертациям, представленным на соискание

ученой степени кандидата искусствоведения. Диссертация полностью соответствует критериям, установленным пунктом 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации № 842 (ред. от 30.07.2014). Ее автор, Коротчикова Полина Викторовна, заслуживает присуждения ученой степени кандидата искусствоведения по специальности 17.00.04 — изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура.

Официальный оппонент,
главный научный сотрудник
Института востоковедения РАН,
доктор исторических наук

Ванина Евгения Юрьевна

«25» марта 2016 г.

Ваниной Е.Ю.
25 марта 2016 г.